

**ПОДВИГ 9-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА
В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ПОД КОМАНДОВАНИЕМ
БУДУЩЕГО МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА РОКОССОВСКОГО**

И. В. АКУЛИЧ, К. В. АНИСОВЕЦ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Ниже приводятся выдержки из мемуаров Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского.

Около четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет.

Сделать это мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или Народного комиссара обороны. А в телефонограмме стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штарма. Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника особого отдела, чтобы посоветоваться, как поступить в данном случае.

Вскоре дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк.

Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. В четыре часа приказал объявить боевую тревогу, командирам дивизий Н. А. Новикову, Н. В. Калинину и В. М. Черняеву прибыть на мой КП.

Пока войска стягивались на исходное положение, комдивам были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления. Штаб корпуса готовил общий приказ.

Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Сопротивление

интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день.

А. Г. Маслов с утра добивался связи с вышестоящим командованием. Лишь к десяти часам каким-то путем он на несколько минут получил Луцк. Один из работников штаба армии торопливо сказал, что город вторично подвергается бомбежке, связь все время рвется, положение на фронте ему неизвестно.

Почти к этому же времени удалось получить сведения, что Киев бомбили немцы. И тут же связь опять нарушилась.

С командованием округа, которому мы непосредственно подчинились, связаться никак не могли. От него за весь день 22 июня – никаких распоряжений.

Около одиннадцати часов над нами на большой высоте прошло до двадцати немецких бомбардировщиков. Зенитная артиллерия обстреляла их.

Это еще раз убедило меня в том, что действую правильно, и я все внимание сосредоточил на подготовке войск.

Горючее, боеприпасы, обеспечение порядка в самом городе, охрана воинского имущества, остающегося после ухода войск, забота о семьях состава, проверка готовности частей, митинги личного состава – все нужно было успеть сделать в считанные часы. И вместе с тем я уже думал о боях. За долгие годы службы я хорошо узнал, что такое война, и поэтому меня больше всего беспокоило, как встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат.

Вот деталь, по которой читатель – представитель нового поколения, – возможно, поймет ход мыслей комкора в первый день так неожиданно начавшейся войны. Выступая в поход по тревоге, я запретил выдавать командирам и сержантам защитного цвета петлицы и знаки различия. Командир должен резко выделяться в боевых порядках. Солдаты должны его видеть. И сам он должен чувствовать, что за его поведением следят, равняются по нему.

В четырнадцать часов 22 июня корпус выступил по трем маршрутам в общем направлении Новоград-Волинский, Ровно, Луцк. Справа по автостраде следовала одной колонной 131-я моторизованная дивизия. Ее вел полковник Н. В. Калинин, хороший боевой командир, из бывших кавалеристов. По расчету времени эта дивизия выдвигалась значительно вперед. Калинин сумел, правда с большой перегрузкой, усадить свою пехоту на автомашины и танки. Немного грузовиков мы смогли ему подбросить в последний момент.

В центре уступом назад шла 35-я танковая дивизия генерал-майора Н. А. Новикова, опытного танкиста, а левее – 20-я танковая дивизия. Организовали разведку и охранение.

В воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации. Немецкие самолеты появлялись довольно часто, это были преимущественно бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте, почему-то без сопровождения истребителей.

Мы вскоре узнали, в чем дело, увидев наши разбитые и сожженные самолеты, так непредусмотрительно сосредоточенные на аэродромах приграничной полосы.

К началу войны 9-й мехкорпус был укомплектован личным составом почти полностью. Не хватало еще вооружения, и обучение людей не было завершено. Но в сложившейся обстановке воевать с этим составом было можно.

Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. Не говорю уже о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. Пехота обеих танковых дивизий машин не имела, а поскольку она значилась моторизованной, не было у нее ни повозок, ни коней.

Но, несмотря на трудности, мы сделали все, чтобы собрать в боевой кулак наши силы и дать отпор врагу, честно выполнить свой солдатский долг. Однако, вспоминая минувшее, я могу теперь сказать, что в директиве Генерального штаба не был предусмотрен вариант действий корпуса на тот случай, если война застанет его в стадии формирования, без боевой техники и транспорта. А об этом не следовало забывать. Директива имела в виду полнокровное механизированное соединение, обеспеченное всем для выполнения любой боевой задачи. Мы были вынуждены с первого же дня вносить необходимые поправки. Жизнь заставляла! Основная масса войск корпуса – по существу, пехота, лишенная конского тягла, – совершила в первый день 50-километровый переход. Для меня это до сих пор – пример выносливости и самоотверженности советского солдата. Но люди совсем выбились из сил. Я видел их в конце этого марша. Пехота вынуждена была нести на себе помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы к ним. И в какую жару...

Пришлось сократить переходы до 30–35 километров. Ночью вместе с Новиковым и Черняевым обдумали итоги первого дня и сделали выводы. Дали нашим так называемым танковым дивизиям новый порядок движения. В первом эшелоне – танки с пехотным десантом и частью артиллерии. Этот эшелон двигался скачкообразно, от рубежа к рубежу, отрываясь от пехоты и поджидая ее. Основная масса войск и артиллерии следовала вторым эшелоном в обычном, предусмотренном для пехоты порядке.

Моторизованная дивизия, имея машины, к исходу 22 июня достигла района Ровно, где и остановилась на привал, совершив 100-километровый

переход. К этому времени связь штаба корпуса со всеми соединениями была устойчивой, и положение не вызывало беспокойства.

Утром 23 июня полковник Калинин прислал донесение. Командарм М. И. Потапов временно подчинил его дивизию себе и поставил задачу: выйти на реку Стырь, занять к исходу дня оборону по восточному берегу этой реки на участке Жидичи, Луцк, Млынов и не допустить прорыва немцев на восток. Сделано это было через голову командира корпуса.

Из донесения и из других источников смутно вырисовывалась картина событий на луцком направлении. Во всяком случае, стало очевидным, что противнику удалось прорваться через границу и значительно продвинуться вглубь.

Не изменяя походного порядка, главные силы корпуса продолжали 23 июня движение по намеченным маршрутам, усилив разведку на флангах.

Поскольку Калинин был впереди, мы решили выдвинуть на направление 35-й танковой дивизии наш КП. Маслов выслал вперед взвод саперов на машинах, и мы поехали с намерением по пути проследить переправу частей генерала Новикова через реку Горынь южнее Ровно.

Паром не мог обеспечить по времени переправу дивизии. Внесли поправку, распорядившись использовать мост у местечка Гоша. Затем наш штаб двинулся далее. На всякий случай я взял с собой батарею 85-миллиметровых пушек.

К концу дня из рощи, находившейся километрах в трех восточнее Здолбунова, навстречу нам выдвинулись пять немецких танков и три автомашины с пехотой. Штаб подготовился к бою. Батарея развернулась, получив распоряжение открыть огонь прямой наводкой. Немцы, увидев это, не приняли боя и быстро ретировались в лес.

КП пришлось оборудовать несколько севернее.

Положение требовало выяснить обстановку и в зависимости от этого начать действовать, дав войскам возможность хоть немного отдохнуть и привести себя в порядок после форсированных переходов.

Где-то впереди или в стороне от нас должны были находиться части 19-го и 22-го мехкорпусов генералов Н. В. Фекленко и С. М. Кондрусева. Разведгруппы, возглавляемые командирами из штаба корпуса, отправились на поиски. С одной из них на своем неизменном мотоцикле выехал начальник штаба корпуса. В результате мы установили, что Кондрусев выступил в направлении Ковеля и передовыми частями уже ведет бой севернее Луцка. Корпус Фекленко движется на Дубно.

Маслов, вернувшись, доложил, что ему удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта генералом М. А. Пуркаевым. Тот успел передать, что корпус переходит в подчинение 5-й армии и нам следует сосредоточиться в районе Клевань, Олыка.

Наши части шли вперед. Навстречу по шоссе Луцк – Ровно двигались на восток беспорядочные толпы людей. Над шоссе часто появлялись немецкие самолеты. Они бомбили войска и беженцев.

24 июня 9-й мехкорпус вышел в район сосредоточения и вступил в бой.

131-я мотодивизия, отбросив за Стырь форсировавшие ее передовые части противника, вела бой на рубеже Луцк и южнее, отражая попытки немцев снова переправиться на восточный берег.

35-я танковая дивизия вела бой юго-западнее Клевани, имея перед собой части 13-й немецкой танковой дивизии.

20-я танковая дивизия на рассвете 24-го головным полком с ходу атаковала располагавшиеся на привале в районе Олыка моторизованные части 13-й танковой дивизии немцев, нанесла им большой урон, захватила пленных и много трофеев. Уже в тот день полковник Черняев показал, что обладает качествами настоящего командира. Закрепившись, его дивизия весь день успешно отбивала атаки подходивших танковых частей противника.

КП корпуса расположился в районе Клевани. На следующий день та же картина: упорные оборонительные бои на рубеже Луцк, Олыка, южнее Клевани с танками и мотопехотой двух немецких дивизий (14-й и 13-й). Противник стремился перехватить дорогу Ровно – Луцк и овладеть Луцком. Наши части героически отразили эти попытки. Лишь к вечеру стало затишье. Немцы тогда ночью не наступали. Закатывалось солнце – и они оставались на отдых.

26 июня по приказу командарма Потапова корпус нанес контрудар в направлении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником.

Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Но посмотрим распоряжение фронта, относящееся к тому периоду: «Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить ее и восстановить положение». Согласовывалось ли оно с обстановкой на участке, о котором идет речь, не говоря уже о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимир-волинском и ровненском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывалось. У меня создалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба.

Корпуса продолжали тяжелые бои с противником, который все усиливал нажим. Кроме действовавших здесь танковых и моторизованных сил он подтянул и пехотные дивизии.

Связь с соседями то и дело прерывалась. Удалось узнать, что 22-й мехкорпус сам был атакован большими вражескими силами, понес потери и отброшен на северо-восток от Луцка. В самом начале боя был убит генерал Кондрусев, в командование вступил начальник штаба В. С. Тамручи. Сосед слева – 19-й корпус – при попытке начать наступление тоже был атакован противником из района Дубно, отброшен к Ровно, где и вел оборонительный бой.

Вечером к нам на КП пришел очень расстроенный командир танковой дивизии 22-го мехкорпуса с забинтованной рукой. Тон его доклада вынудил меня к довольно резкому разговору:

– Немедленно прекратите разговоры о гибели корпуса! Двадцать второй дерется, я только что говорил с Тамручи. Идите, приступайте к розыску своих частей, присоединяйтесь к ним...

Выехав с группой офицеров штаба на высоту в расположении ведущих бой частей 20-й танковой дивизии, я наблюдал движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны автомашин, танков и артиллерии противника. А с юга к нашему рубежу обороны шли и шли новые колонны гитлеровцев.

Все, что мог сделать командир корпуса, располагая очень небольшим количеством танков, – это опереться на артиллерию. Так я и поступил. Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить один яркий момент этих до невозможности трудных боев.

Был опять получен приказ о контрударе. Однако противник настолько превосходил нас, что я взял на себя ответственность не наносить контрудар, а встретить врага в обороне. В тех лесистых, болотистых местах немцы продвигались только по большим дорогам. Прикрыв дивизией Новикова избранный нами рубеж на шоссе Луцк – Ровно, мы перебросили сюда с левого фланга 20-ю танковую с ее артполком, вооруженным новыми 85-миллиметровыми орудиями. Начальник штаба организовал, а Черняев быстро и энергично осуществил маневр.

Орудия поставили в кюветах, у шоссе, а часть – прямо на дороге.

Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашины и танки.

Мы видели с НП, как шли на 20-ю танковую внушительные силы врага. И увидели, что с ними стало. Артиллеристы подпустили фашистов поближе и открыли огонь. На шоссе образовалась чудовищная пробка из обломков мотоциклов и бронемашин, трупов гитлеровцев. Но наступавшие вражеские войска продолжали по инерции двигаться вперед, и наши орудия получали все новые цели.

Враг понес тут большие потери и был отброшен. Генерал Новиков, используя удачу Черняева, двинулся вперед и сумел занять нужные нам высоты.

Н. В. Калинин прислал в штаб корпуса важные показания пленного немецкого полковника, который на допросе сказал:

– Артиллерия ваша превосходна, да и дух русского солдата на высоте...

Мы заставили противника довольно долго по тем временам топтаться на месте. Было ясно, что наша «дерзость» не останется безнаказанной. Так оно и случилось. Над нами появились «юнкерсы». Самолеты шли волнами и бомбили нас нещадно, но, к счастью, безрезультатно: солдаты были укрыты в лесу, пушки и танки поставлены в окопы.

Мне, как командиру корпуса, больше всего доставляло неприятностей отсутствие информации о положении на фронте. Чувство локтя необходимо не только солдату. Оно – в более широком понимании – необходимо и высшему комсоставу действующих войск. Без этого, хочешь или не хочешь, творческая мысль оказывается связанной.

Всю информацию пришлось добывать самим. Работники штаба во главе с генералом Масловым быстро освоились в той, порою казалась, невыносимой, обстановке, в которую мы попали, и смогли обеспечить нас необходимой информацией. Но далось это дорогой ценой: многие штабные офицеры погибли, выполняя задания.

По отдельным сообщениям в какой-то степени удавалось судить о том, что происходит на нашем направлении. Как идут дела на участках других армий Юго-Западного фронта, мы не знали. По-видимому, генерал Потапов был не в лучшем положении. Его штаб за все время, что я командовал 9-м мехкорпусом, ни разу не смог помочь нам в этом отношении. К тому же и связь с ним чаще всего отсутствовала.

Полезные данные были получены при опросе пленных, а их наши дивизии взяли уже несколько сот человек – как солдат, так и офицеров. Среди них был и захваченный артиллеристами Черняева полковник, у которого оказались ценные документы и карты. Они помогли нам лучше представить обстановку.

Картина была неутешительной. Немцам удалось внезапным ударом заранее сосредоточенных крупных сил прорваться на стыке 5-й и 6-й наших армий. В прорыв вошли танковые и моторизованные соединения. Эти войска развивали успех, стремясь быстрее продвинуться на житомирском направлении.

Главный удар противника пришелся южнее нас. Описывая военные события в районе Луцка и гордясь мужеством и умелыми действиями вверенных мне войск, я все же откровенно скажу: трудно представить, как бы мы выглядели, окажись под воздействием вражеских сил на направлении главного удара.

Нам тоже было нелегко. Командир 131-й мотодивизии донес, что пехота и танки противника отбросили его полки, оборонявшиеся на рубеже реки Стырь, и на широком фронте форсировали реку. Напрашивался вывод, что враг наращивает силы и на нашем направлении и готовит здесь более мощный танковый удар.

Дивизии наши поредели. Но бойцы и командиры из необстрелянных стали обстрелянными. Значение этого нельзя недооценивать. Они на личном опыте убедились, что «немцев, как и японцев, бить можно» (это выражение одного танкиста из 35-й танковой дивизии; я поинтересовался – при чем тут японцы? Оказывается, он помнил Халхин-Гол). Словом, люди стали сильнее.

Во время тяжелых боев мы нашли и необычный источник пополнения: в лесах близ Клевани бродило тогда немало бойцов, потерявших свои части. Мы собирали их и направляли в наши пехотные полки. Многие из этих бойцов отлично проявили себя затем в боях...

Немцы бросали против 9-го мехкорпуса все новые силы. Упорные бои продолжались до 29 июня. Противнику не удалось перехватить дорогу Ровно – Луцк на направлении Клевани, не удалось ему и вообще прорвать оборону войск 5-й армии. Правда, он смог вводом дополнительных сил потеснить правый фланг армии на участке Ковель, Луцк и форсировать реку Стырь. Но этим немцы не избавили себя от угрозы со стороны наших войск, то есть 5-й армии и приданных ей мехкорпусов, нависавших с севера над флангом основной немецкой группировки, устремившейся на Житомир. Эта угроза сильно беспокоила вражеское командование. Отсюда – непрерывные атаки, все более мощные, с целью ее ликвидировать.

30 июня для наших войск создались серьезные трудности на житомирско-киевском направлении, вследствие чего 5-я армия начала отход на рубеж старых укрепрайонов. К нашему огорчению, состояние старых УРов не улучшилось. Соединения корпуса, отражая атаки наседавшего противника, отходили от рубежа к рубежу, применяя методы «подвижной обороны».

У Новоград-Волынского корпус, отбив врага, занял оборону по реке Случь, оседлав дорогу на Житомир.

Немецкие танковые и моторизованные соединения были оснащены техникой, которая превосходила по своим качествам наши устаревшие машины Т-26 и БТ.

После форсированных переходов и десятидневных боев у нас и этих устаревших танков оставались единицы (насколько мне известно, не лучше было и в 19-м и в 22-м мехкорпусах). Несмотря на столь плачевное положение

ние с материальной частью и понесенные в боях потери, корпус продолжал упорно сражаться.

Командиры дивизий полковник Н. В. Калинин, генерал Н. А. Новиков и полковник В. М. Черняев оказались на высоте в этих первых боях. В обстановке исключительно сложной они с честью справились со своими трудными обязанностями. Сказались глубокие знания, творческая инициатива, решительность, умение, не колеблясь, брать на себя ответственность, когда этого требовала резко меняющаяся обстановка. Командиру корпуса было легко работать с такими замечательными офицерами, хотя слово «легко» кажется неподходящим для тех дней.

Помнится, когда еще корпус дрался в районе Клева и помешал немцам перерезать шоссе, удалось как-то собраться накоротке. Впервые после начала войны встретились все вместе – командование корпуса и командиры дивизий. Дружеские объятия. Расцеловались. Живы. И воюем. К сожалению, с некоторыми из моих славных соратников по 9-му мехкорпусу эта встреча была последней. Вскоре после боев под Клеванью мы потеряли прекрасного офицера полковника В. М. Черняева. Он был тяжело ранен. И хотя нам удалось эвакуировать его в харьковский госпиталь, Черняев скончался там от гангрены. Боевые друзья хранят о нем светлую память.

Ни огромное превосходство противника в танках, ни широкое использование им авиации, которая беспрепятственно бомбила наши боевые порядки, особенно там, где враг наносил удар, не сломили упорства корпуса. Гитлеровцы не смогли разгромить нас. Им удалось лишь потеснить наши войска, да и то ценой огромных потерь.

Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества танков, комбинируя их действия, мы стремились нанести противнику как можно больший урон. И это нам удавалось на протяжении всех боев под Луцком и под Новоград-Волынским. За отличия в этих боях все командиры дивизий 9-го мехкорпуса, многие командиры полков и другие командиры и политработники были отмечены правительственными наградами. Получил орден и наш неутомимый начальник штаба. Я был также награжден четвертым орденом Красного Знамени.

Список литературы

1 Рокоссовский, К. К. Солдатский долг // К. К. Рокоссовский. – М. : Воениздат, 1988.